

Анатолий Васильевич Луначарский

О быте

Анатолий Васильевич Луначарский

О быте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136953

Аннотация

«Я не случайно избрал тему о быте. Я выбрал эту тему потому, что многократно в Москве и в целом ряде городов РСФСР самая разнообразная публика требовала от меня доклада именно на эту тему. Большой интерес к этой теме является, с моей точки зрения, совершенно объяснимым и даже закономерным. Можно заранее предсказать, что к тому времени, когда мы начнем более или менее устраивать нашу общественную жизнь, вопросы быта начнут выдвигаться на первый план. Пройдет год – два, и эти вопросы станут на самом первом месте всего нашего строительства, потому что настоящая цель революции есть именно полное пересоздание быта...»

Содержание

Мы вплотную подошли к вопросам быта	4
Что такое быт?	8
Семья	11
Коммунизм и свободная любовь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анатолий Луначарский

О быте

Мы вплотную подошли к вопросам быта

Я не случайно избрал тему о быте. Я выбрал эту тему потому, что многократно в Москве и в целом ряде городов РСФСР самая разнообразная публика требовала от меня доклада именно на эту тему. Большой интерес к этой теме является, с моей точки зрения, совершенно объяснимым и даже закономерным. Можно заранее предсказать, что к тому времени, когда мы начнем более или менее устраивать нашу общественную жизнь, вопросы быта начнут выдвигаться на первый план. Пройдет год – два, и эти вопросы станут на самом первом месте всего нашего строительства, потому что настоящая цель революции есть именно полное пересоздание быта.

Революция – единое сложное явление, включающее в себя несколько весьма знаменательных отдельных моментов.

Политическая революция больше всего бросается в глаза. С ней связана военная борьба, которая завершается таким необыкновенно эффектным явлением, как переход власти из

рук одного класса в руки другого класса; но она является только предпосылкой подлинной революции, за которую ведется борьба. Политическая революция – захват власти – не является для нас целью. Мы, коммунисты, вообще не считаем установление той или другой государственной формы целью социальной революции, ибо конечная цель нашей революции – полное разрушение государства, уничтожение всякой власти одних людей над другими людьми.

Мы представляем себе коммунистический строй, как строй безгосударственный. Уже отсюда совершенно ясно, что политические цели не могут быть нашими конечными целями. Новый класс-диктатор, пролетариат, опирающийся на крестьянство, берет власть не ради самой власти. Наоборот, он берет ее для того, чтобы как можно скорее выпустить ее из рук, чтобы, как говорил Энгельс, использовать ее в качестве инструмента, в качестве орудия производства и поскорее «отправить всю государственную машину туда, где ей будет тогда место, рядом с прялкой и бронзовым топором». Рабочий класс берет в свои руки власть для того, чтобы при ее помощи произвести социальную революцию.

Коммунизм имеет своей целью изменение порядка производства и распределения благ. Он хочет вырвать уже теперь гигантские и все растущие орудия производства из рук господствующих эксплуатирующих классов, наладить плановое, т.-е. на основах науки, хозяйство, закономерное, урегулированное производство благ и справедливое распреде-

ление их между всеми членами человеческого общества.

Но и эта цель, эта грандиозная хозяйственная задача, разрешения которой мы еще далеко не достигли, в то время, как политические наши задачи мы уже выполнили, и она не является окончательной, ибо человек живет не для того, чтобы хозяйствовать, существует не для того, чтобы работать; наоборот, он хозяйствует, он работает для того, чтобы существовать.

Когда Карл Маркс определял критерий, т. е. мерило высоты данного общественного строя, он сказал, что «таким мерилом является то, насколько данный общественный строй обеспечивает максимальное развитие всех заложенных в человеке возможностей». Стало быть, само хозяйство – то, как производит человечество необходимые материальные блага для своего существования и как оно их распределяет – имеет смысл только с той точки зрения, насколько оно позволяет организовать счастливую, упорядоченную братскую жизнь людей, дает возможность всем талантам, дремлющим в человеке, развернуться широко в творческую, торжественную, блистательную жизнь. А вот эта-та самая жизнь, эта жизнь, как самоцель, и есть быт.

Следовательно, политика является орудием для совершенения хозяйственного переворота, хозяйство является базой для переворота бытового, для изменения повседневного существования каждого человека.

Политические задачи в значительной мере нами уже вы-

полнены. Мы уже доказали, что мы хозяева в нашей стране. Мы уже не позволяем никому оспаривать то, что рабочие и крестьяне в пределах СССР являются хозяевами. Но, завоевав это право хозяйствовать, мы должны еще его и осуществить, то-есть мы должны научиться организации хозяйства и реально это планомерное хозяйство осуществлять.

И Ленин учил нас: политическая революция может произойти в несколько дней, если она хорошо подготовлена историей, – это дело военное, дело победы одних сил над другими, но хозяйственная революция – переделка всех имущественных отношений, новый порядок производства, новый порядок распределения благ – требует многих и многих лет. Владимир Ильич говорил: если мы 10–20 лет сможем сохранить смычку с крестьянством и, опираясь на поддержку крестьянства, идти по пути нашего строительства, то мы, несомненно, обеспечим осуществление социализма.

Прошло почти 10 лет, мы видим, что 5-10 лет такой же борьбы надо еще выдержать. Но если хозяйственные задачи мы далеко не выполнили, то все же очевидно, что мы не даром израсходовали предшествующие годы, что перед нами хорошие перспективы на будущее, и это дает нам право говорить и о бытовой революции; мы подошли вплотную к тому, чтобы внимательно исследовать быт и сознательно вмешаться в этот быт для того, чтобы постепенно придать социалистический характер быту рабочих, быту крестьян и быту, в широком смысле слова, обывательскому.

Что такое быт?

Что мы разумеем под словом быт? Мы выделяем из всех областей нашего существования государственную жизнь и хозяйственную жизнь; за вычетом этих двух сфер мы получаем быт.

Пользование избирательным правом, работа в качестве выборных агентов общества, нашего государства, – все это относится к государственной жизни. Конечно, это тоже имеет отношение к быту, но косвенное.

Поскольку рабочий работает у станка, крестьянин за плугом, поскольку тот или другой интеллигент учит, лечит или сидит в какой-нибудь канцелярии и т. д., – это относится к его хозяйственной работе, к исполнению профессиональных, общественных обязанностей.

Поскольку он находится в своей квартире, поскольку он отец, муж, член семейного уклада, поскольку он использует получаемую им зарплату для своего существования, поскольку он организует свой отдых, свое самовоспитание, свое продвижение вперед – все это относится уже к его быту.

То, что до сих пор называлось частной жизнью, не может от нас ускользнуть. Именно в переводе на светлые разумные рельсы того, что называется частной жизнью – житье-бытье, как выражался Леонид Андреев – в этом и заключается последняя цель революции, ее основное, самое высокое дости-

жение. Но здесь стоят перед нами и самые большие трудности.

Нам говорят иногда, что эти бытовые условия стихийны. «Если можно изменять государственный порядок – возражают нам – если на хозяйство можно воздействовать через командные высоты, то на быт воздействовать крайне трудно», и прибавляют: «государственные порядки можно изменять декретами, хозяйственные порядки – организацией труда и распределения, а бытовые порядки коренятся глубоко в истории инстинктов и предрассудков, коренятся настолько глубоко, что на чих почти нельзя воздействовать».

Но мы на это отвечаем: как раз именно наша революция, которая представляет собой максимум вмешательства сознательности в стихию, которая, как весь марксизм, является в высокой степени чуткой и организованной деятельностью на основе глубочайшего анализа и понимания действительности, – как раз эта революция не позволяет нам отмахнуться от чего бы то ни было, как от чего-то стихийного, само по себе происходящего, а обязывает нас вмешаться и в эту область с максимумом сознательности.

Поэтому, в эти текущие годы – в 9-й и 10-й год после Октябрьской революции – перед нами встает задача – понять важнейшие процессы, происходящие в нашем быту, и постараться на них воздействовать целесообразно и сознательно.

Запросы, с которыми со всех сторон обращаются к нам – ко мне и другим товарищам, работающим в области культу-

ры, просьбы высказать наше мнение по этому вопросу, колоссальное внимание, которое уделяется ему, и огромное количество публики, слушающей эти доклады, показывают, что мы соприкоснулись с этим вопросом вплотную.

Семья

Из перечисленных вопросов, бесспорно, самым основным, самым капитальным, самым неотложным является вопрос о семье.

Из всех вопросов, которые не входят в государственную жизнь, не входят в общественно-экономическую жизнь, являются частью частного быта, вопрос о семье является самым важным. Почему? Потому что в то время, как он не относится к политической жизни, не относится к государственной жизни, к общественно-экономической жизни, к хозяйству, он вместе с тем, при неправильном его решении, сводит на нет все политические и экономические завоевания. Ибо вопрос о семье есть вместе с тем и вопрос о продолжении рода человеческого, вопрос о грядущем поколении.

Вообразите себе, что революция подняла бы сознание граждан до чрезвычайно высокого уровня, что она удовлетворительно разрешила бы целый ряд вопросов, но что она поранила бы воспроизведение жизни, рождение нового поколения, что она нанесла бы ущерб рождению детей; представьте себе, что рождаемость уменьшилась бы, что дети рождались бы хилыми, получали бы неправильное питание с первых же дней своего существования, что они калечились бы, оставались бы беспризорными. Разве мы не должны были бы проклясть такую революцию? Разве мы не должны бы-

ли бы сказать, что вся она есть сплошная ошибка? Ведь наша революция сделана не столько для нас, сколько для детей наших. А их рождение, их нормальное воспитание обеспечены? Как ответила революция на центральный вопрос о продолжении жизни наших народов?

Мы знаем, как ответила на этот вопрос буржуазия. Она ответила созданием довольно прочной буржуазной парной семьи – отец, мать, дети, – парной семьи, которая на наших глазах подвергается разложению. В дальнейшей эволюции буржуазное общество пришло к такому повышению эгоистического чувства взрослых людей, к такому стремлению оградить себя от жертв во имя детей, что действительно поранило дальнейшее продолжение человеческого рода. Наиболее передовая и типичная в этом отношении буржуазная страна – Франция, в особенности сейчас, после войны, переживает демографическое усыхание. Население Франции стало уже катастрофически уменьшаться и пополняется иммиграцией негров, славян и других иностранцев.

Как мы решаем этот вопрос? Обеспечено ли, что грядущие поколения пойдут за нами, что они здоровы, бодры и возьмут из наших рук наше знамя, что они будут продолжать то строительство, ради которого мы принесли такие жертвы?

Переписи, которые до сих пор были у нас сделаны, позволяют предполагать, что и та всесоюзная перепись, которую мы проделали, даст по разработке материалов утешительные результаты.

Вы знаете, что в результате империалистической и гражданской войны рождаемость понизилась, детская смертность повысилась, и что в этом году мы имеем убыль имеющих поступить в школу детей восьмилетнего возраста почти на 50 %. Но теперь это уже выравнивается, рождаемость повышается, смертность понижается и мы уже попали в такую полосу рождаемости, которая равна или приблизительно равна рождаемости 1913 г.

Но мы должны помнить, что это повышение рождаемости происходит благодаря крестьянству. Крестьянство еще не затронуто в такой мере псевдо-революционными идеями, чтобы отражать их в своем семейном быту. Оно включает браки и размножается так же, как и раньше.

Вероятно и сейчас в нашем крестьянском быту существует огромная детская смертность, которую показывает статистика деревенского населения; но существует также и колоссальная рождаемость, которая покрывает эту громадную детскую смертность и дает значительный приплод.

Коммунизм и свободная любовь

Но если мы спросим себя, какие же идеи идут в деревню от нас? Чем мы – рабочие и трудовая интеллигенция – заражаем деревню, как наши идеи, когда они дойдут туда, отразятся на быте деревни?

Мы должны сказать, что здесь есть известное основание для тревоги.

Если мы учтем отдельно – а мы, вероятно, сможем это сделать путем всесоюзной переписи – демографическую линию в нашем пролетариате и в нашей трудовой интеллигенции, то я боюсь, что мы должны будем констатировать понижающуюся линию рождений; мы должны будем констатировать здесь болезненное стремление родителей оградить себя от рождаемости детей, которое обеспечило бы действительно пропорциональное продолжение жизни наших народов. К этому нужно отнестись с величайшим вниманием.

Мы видим, что неизбежно происходящая после революции ломка старого уклада вызвала у нас новый взгляд на семью. Он считается часто якобы правоверным – марксистским, – но мы должны признать его опасным, и партия должна выразить свой протест против него.

Эта точка зрения, которая без обвиняков обвиняет длительную парную семью, гласит следующее: муж, жена, дети, – муж, жена, которые рожают и воспитывают детей, это – бур-

жуазная штучка. Уважающий себя коммунист, советский человек, передовой интеллигент, подлинный пролетарий должен от этой буржуазной штучки предостеречь себя. — «Социализм, — говорят такие „марксисты“, — несет за собою новые формы общения мужчины и женщины — именно свободную любовь. Сходятся между собой мужчина и женщина, живут пока друг другу нравятся, разонравившись — расходятся; сходятся на сравнительно короткий срок, не создавая прочного хозяйственного уклада; и мужчины и женщины свободны в этом отношении.

Это есть переход к той широкой общественности, которая сменяет маленькие обывательские уголки, эту обывательскую квартиренку, этот домашний очаг, вот эту заскорузлую семейную единицу, выделяющую себя из общества». — «Подлинный коммунист, советский человек, — говорят они, — должен остерегаться парного брака и стремиться удовлетворить свои потребности путем „changez vos dames“, как говорят в старой кадрили, известной переменной, свободой взаимоотношений мужей, жен, отцов, детей, так что не разберешь, кто к кому и как точно относится. Это есть общественное строительство». Разберемся, подойдем поближе к этому.

Что мы сохраняем из буржуазного парного брака и что считаем специфически буржуазным в этом парном браке?

Буржуазным, отрицательным, абсолютно для нас неприемлемым в этом парном браке является неравенство мужчины и женщины. Вот основа буржуазной семьи, по которой мы

бьем непосредственно. У буржуазии есть свое законодательство, свой политический строй и т. д., и будь то семья банкира, профессора, мелкого чиновника или пролетария, семейный уклад базируется на буржуазном законодательстве, а это буржуазное законодательство в европейских странах еще хуже, чем старое царское законодательство в России.

Вот что гласило царское законодательство о том, что я называю политической стороной семьи: жена обязана повиноваться мужу, как главе семейства, пребывать к нему в неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение, обязана преимущественным повиновением его воле. При переезде куда-нибудь мужа, жена должна следовать за ним. Она не может наниматься ни на какую работу без специального позволения мужа. Как видите, в буквальном смысле слова – рабство.

Когда мы подходим к более близкому анализу того, что муж может делать с женой по царскому законодательству, то мы видим, что он, считая ее своей собственностью, мог применять к ней в случае, когда считал ее виновной, всякие меры репрессии: бить жену, держать ее впроголодь, запирасть и т. д. Жена не имела права ни в коем случае на это жаловаться. Если бы он сломал ей руку или проломил череп, жена имела бы право жаловаться, – это уже касалось прокурора. Пока этого не случилось, до тех пор ничего нельзя сделать. Если следствие констатировало, что побои мужа приняли характер истязаний, суд имел право вмешаться. Если

же это не истязание, а муж просто «поучил» жену плеткой, то это, так сказать, в порядке нравов и вполне допустимо.

Если жена хочет уехать от мужа, поселиться в другом месте, она не может – муж приказывает, жена не может выбрать себе местожителство там, где она хочет. Жена хочет работать, учиться, – муж может ей запретить. Западно-европейское законодательство – скажем, французской буржуазной республики, идет еще дальше, оно прибавляет еще один параграф: если муж внутренне убежден, что жена ему изменяет, он может ее убить. Многие юристы спрашивали: ну, а если жена внутренне убеждена, что муж ее изменяет ей, может она его убить? Нет. Жену за это посылают на каторгу и т. д., а мужа оправдывают, он защищал свои имущественные права. Его жена осмелилась пойти против его имущественного права; он может ее убить, это – его власть в доме.

Этот политический порядок семьи, то, что в семье есть глава, что семья, – не соглашение, не трудовой союз, – это мы считаем буржуазной чертой семьи.

Как была организована буржуазная семья в хозяйственном отношении?

Муж имел общественную работу – будь то политическая деятельность, будь то служба, работа на фабрике, а жена занималась домашним хозяйством, т.-е. она была водворена в страшно узкий, идиотически-узкий круг интересов: она была завалена грязным бельем, приготовлением пищи в переполненной копотью кухне, заботами о маленьких детях и т. д.

Она была загружена всем этим так, что думать о своем развитии, думать об общественной деятельности, ей совсем не приходилось. Замечательно, что даже дворянство, которое опиралось на крепостной труд и где женщина, имея достаточное количество крепостных слуг, так же, как и мужчина, могла быть освобождена от узкого круга домашнего хозяйства, и оно приходило к такому, можно сказать, «мужицкому» выводу, что – «пока девушка – есть свет в глазах, а стала бабой – кончено, раба!» Даже Толстой, изобразивший дивный образ свободной дворянской девушки, Наташи Ростовой, говорит, что когда она вышла замуж, то пеленки завесили свет, грязные ребячьи пеленки – и нечего с нее больше спрашивать.

Против этого уклада, в котором на долю мужчины падает культурный, прогрессивный труд, а на долю женщины – расщепленный, неэкономный, притупляющий, мы протестуем, как против буржуазного.

Но протестуем ли мы против парной семьи, когда муж и жена говорят: мы любим друг друга, уважаем, заключаем длительный союз на много, много лет, пока его не разрушит что-нибудь особенное, хотим жить вместе, делить все радости и горести, помогать друг другу, рожать детей, растить их, – вот это буржуазно или не буржуазно? Я считаю, что как теперь, так и в социалистическом строе может быть такой семейный уклад, могут быть такие пары, связанные на много лет.

Но могут быть и другие условия – люди могут сходиться и расходиться; это зависит от случая и от темперамента. Один нашел подругу, друга на всю жизнь, а другой не нашел; у одного такой темперамент, такой уклад характера, что он особенно большое счастье получает от серьезного жизненного строительства в глубоком в специально-выращенном союзе с другим человеком, а другой предпочитает блестящий, мимолетный переход от одного к другому.

В социалистическом обществе возможно и то, и другое, а в нашем обществе переходного периода? – Нет. В нашем обществе единственно правильной формой семьи является длительная парная семья.

Мы должны сказать, что лишенная своих буржуазных черт – командования мужчины и погребения женщины под бременем домашнего хозяйства, – лишенная этих черт парная семья, длительный союз во имя общего строительства жизни, рождения и воспитания детей есть единственная форма, которая нам нужна. И тот, кто хочет до конца выполнить свой долг – и политический, и рабочий, и человеческий, – должен основать именно такую семью.

Почему? При социалистическом строе мы можем сказать: обществу безразлично, как вы любите друг-друга, – любите, как вам хочется, а дети, которые от этого родятся, будут обеспечены самим обществом. Вот в чем особенность социалистического строя, вот что он сможет сказать нам. Не важно, как ведут себя отцы и матери. Родился ребенок, – об-

щество его берет, те, у кого родительских чувств нет, могут о нем и не заботиться. Но мы сейчас не можем так сказать. Мы не можем сказать: граждане и гражданки, сходите, размножайтесь, мы о ваших детях позаботимся. Не можем. Мы в этом году 46 миллионов, — значительную часть нашего бюджета по РСФСР, чрезвычайно отягощающую и отражающуюся на всем деле народного образования, — тратим на содержание государственных сирот. Наши детские дома и сейчас экономически и педагогически неудовлетворительны, — а у нас сотни тысяч детей, столько же, сколько мы приютили, бегают еще по улицам в качестве беспризорных полуживотных, и мы не можем, мы не имеем средств их поимать, приручить и сделать их нормальными государственными детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.